зует свои служебные полномочия при организации занятия проституцией или создании условий для занятия проституцией, требует осуществления определенных действий от граждан или организаций в свою пользу или в пользу других лиц. Лицо, которое лишь оказывало содействие совершению указанного преступного деяния, сознавало свою роль в совершении преступления и использовало при этом свои служебные полномочия, несет ответственность за пособничество в преступлении, предусмотренном ст. 171 УК. В силу ч. 1 примечаний к гл. 35 УК в данном случае не требуется дополнительной квалификации по ст. 424 УК, поскольку использование должностным лицом своего служебного положения вопреки интересам службы является квалифицирующим признаком указанного состава преступления.

Повторность при совершении данного преступления может быть одновидовой, если лицо ранее совершило аналогичное деяние, связанное с организацией и (или) использованием занятия проституцией либо созданием условий для занятия проституцией, либо однородной, если ранее лицо совершило какой-либо акт торговли людьми (ст. 181 УК), либо использовало труд человека, находящегося в рабстве (ст. 181 УК), либо вовлекло в занятие проституцией или принуждало к продолжению занятия ею (ст. 171 УК).

Преступное деяние квалифицируется по указанному признаку независимо от того, были ли совершены вышеназванные преступления либо имело место покушение на них, был ли виновный исполнителем или иным соучастником преступления. Если виновный не был осужден за ранее совершенные преступления (ст. 171, 171¹, 181, 181¹ УК), то его деяние подлежит самостоятельной квалификации, а последнее преступление в зависимости от того, окончено оно или нет, следует квалифицировать по ч. 2 ст. 171 УК. Указанный признак исключается, если судимость погашена или снята в установленном законом порядке, а также если к моменту совершения преступления истек срок давности привлечения к уголовной ответственности по ст. 171, 171¹, 181, 181¹ УК.

В юридической оценке квалифицирующего признака «использование для занятия проституцией заведомо несовершеннолетнего», как показал анализ судебной и следственной практики, правоприменитель в целом не допускает ошибок, доказывая так называемую заведомость. В то же время особого внимания заслуживает вопрос о правовой оценке действий лиц, не достигших 14 лет. Считаем, что в случае использования малолетних для оказания сексуальных услуг за вознаграждение, следует вести речь о сексуальной эксплуатации ребенка и квалифицировать содеянное по ст.181 УК и соответствующим статьям, предусматривающим ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних (ст. 166 и 167 УК). Использовать лицо, не достигшее 14-летнего возраста, для занятия проституцией гораздо проще в силу ряда причин. Малолетние, в отличие от несовершеннолетних, имеют меньшую социальную, интеллектуальную, волевую и психолого-физиологическую зрелость. Уровень их правосознания значительно снижен, они легче поддаются воздействию со стороны взрослых лиц. Случаи использования в занятии проституцией малолетних лиц обладают повышенной общественной опасностью и влекут более тяжкие негативные последствия для их физического и психического здоровья.

В то же время без внимания законодателя оставлены случаи использования для занятия проституцией несовершеннолетних при активном содействии родителей или иных лиц, обязанных заниматься воспитанием, содержанием ребенка и обеспечивать безопасность его жизни и здоровья. Считаем необходимым дифференцировать ответственность за использование занятия проституцией, совершенное общим и специальным субъектом, выделив в особо квалифицированный состав ст. 171 УК признак «совершение деяния родителем, педагогическим работником и иным лицом, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего», как это предусмотрено, например, в составе вовлечения в занятие проституцией либо принуждения к продолжению занятия проституцией (ст. 171 УК).

Высокой общественной опасностью характеризуется организация или использование занятия проституцией либо создание условий для занятия проституцией, совершенные организованной группой, т. е. как это определено в ст. 18 УК, управляемой устойчивой группой лиц, предварительно объединившихся для совместной преступной деятельности. Между тем в ст. 171 УК имеется указание только на одну форму соучастия в преступном деянии – организованную группу. Однако, учитывая особенности рассматриваемого преступления, не исключена возможность совершения преступления группой лиц по предварительному сговору. Об этом свидетельствуют и данные судебной практики. К слову, в составах торговли людьми (ст. 181 УК), использования рабского труда (ст. 181¹ УК), похищения человека (ст. 182 УК) предусмотрен иной подход в дифференциации ответственности соучастников преступления в зависимости от степени их организованности.

В этой связи считаем возможным ввести в качестве квалифицированных и особо квалифицированных составов рассматриваемого деяния две формы групповых образований: совершение преступления группой лиц по предварительному сговору и совершение преступления организованной группой, что устранит непоследовательность в интерпретации правоприменителем указанного обстоятельства.

УДК 343.2

С.А. Корнеев

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА: ГУМАНИЗАЦИЯ ИЛИ «ДЕВАЛЬВАЦИЯ» УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ?

В нормах уголовного закона судебный штраф представлен в качестве вида освобождения от уголовной ответственности (ст. 76.1 УК РФ) и иной меры уголовно-правового характера (гл. 15.2 УК РФ). В связи с этим решение вопроса, предметом которого выступает определение сущности рассматриваемого юридического феномена, вызывает трудности в доктрине уголовного права.

В теории сущность судебного штрафа представлена более емкими доктринальными подходами, которые с определенной долей условности можно систематизировать следующим образом. Судебный штраф – вид уголовного наказания, альтернатива наказанию, мера уголовной ответственности, мера уголовно-правового воздействия и т. д.

Не вдаваясь в широкую дискуссию о критическом анализе и не умаляя значимости того или иного научного подхода, полагаем, что судебный штраф по своей сущности представляет уголовное наказание, однако таковым формально не является (ст. 44 УК РФ); представляет собой карательную форму реализации уголовной ответственности, так как, во-первых, не предусматривает рассрочку уплаты суммы по решению суда, как, например, штраф-наказание; во-вторых, в случае его неуплаты лицо привлекается к уголовной ответственности, причем уплаченная сумма не является основанием для какого-либо зачета при применении другой меры уголовно-правового воздействия; не является иной мерой уголовно-правового характера, так как основанием его применения служит совершение преступления; кроме того, штраф применяется в отношении лица, которое способно нести уголовную ответственность, с целью восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, предупреждения совершения новых преступлений.

Таким образом, в действительности судебный штраф представляет собой меру уголовной ответственности, применяемую в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления, содержанием которой являются лишения и ограничения имущественного характера. В то же время противоречивой выглядит норма уголовного закона, определяющая судебный штраф не в качестве меры уголовной ответственности, а как вид освобождения от нее.

Освобождение от уголовной ответственности – отказ государства в лице правоприменительных органов от порицания, обременения (осуждения) лица, нарушившего уголовно-правовой запрет, что влечет за собой прекращение между ними уголовного правоотношения. В связи с этим весьма спорным видится освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. С одной стороны, государство отказалось от применения мер ограничительного характера в отношении лица, совершившего преступление, с другой – обязало выплатить определенную сумму в доход государства.

Не менее важной заявленная проблема выглядит и в практической деятельности правоприменительных органов. Так, Тимский городской суд Курской области, рассмотрев уголовное дело в отношении гражданки Г., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 327 УК РФ, постановил освободить ее от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 7 тыс. р. В вынесенном постановлении суд констатировал, что Г. загладила свою вину путем уборки территории поселка, побелки деревьев, проведения субботников, оказания благотворительной помощи Щигровскому межрайонному центру социальной помощи семье и детям.

Из рассмотренного и ряда иных судебных решений можно сделать вывод о том, что, во-первых, сущность судебного штрафа сводится именно к мере уголовно-правового характера, реализуемой в рамках уголовной ответственности. Во-вторых, поведение обвиняемых, представленное в примере, характеризует их исключительно с положительной стороны, однако позиция суда, применившего судебный штраф в указанных случаях, достаточно уязвима с точки зрения положений уголовного закона об условиях применения судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ).

На рассматриваемую проблему обратил внимание и генеральный прокурор РФ. В рамках коллегии И.В. Краснов отметил, что судебный штраф «стал своего рода лазейкой для тех, кому он не должен назначаться». В качестве примеров были приведены факты освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа лиц, обвиняемых в совершении преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, должностных преступлений, в том числе коррупционной направленности, преступлений по неосторожности, повлекших смерть человека. Все это, по мнению главы надзорного ведомства, требует принятия неотложных мер, а также внесения законодательных изменений.

В заключение отметим, что судебный штраф по своей сущности представляет собой меру уголовной ответственности и форму ее реализации. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа — это легальный откуп от порицания, обременения (осуждения) лица, совершившего преступление и формально загладившего свою вину. Судебный штраф необходимо рассматривать в качестве вида освобождения от уголовного наказания с назначением выплаты в доход государства.

УДК 614.1

А.А. Кралько

СМЕРТНОСТЬ ОТ СЛУЧАЙНЫХ ОТРАВЛЕНИЙ АЛКОГОЛЕМ: МЕДИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Изучение смертности от случайных отравлений алкоголем представляет значительный интерес как для социологов, медицинских работников, так и для специалистов в области криминологии. Этот вид смертности относится к группе смертности от внешних причин, в которую также включаются смертность от несчастных случаев, вызванных воздействием дыма, огня и пламени; смертность от несчастных случаев, связанных с транспортными средствами; смертность от случайных падений; смертность от случайных утоплений; самоубийства и убийства. Актуальность изучения смертности от внешних причин обусловлена в первую очередь тем, что это одна из самых распространенных причин смертности в Республике Беларусь, она занимает третье место по частоте после смертности от болезней кровообращения и новообразований. В Республике Беларусь в 2019 г. коэффициент смертности от внешних причин составлял 83,7 на 100 тыс. населения, при этом смертность от случайных отравлений алкоголем равнялась 17,2 на 100 тыс. населения (13,6 – для городского, 29,5 – для сельского).

Смертность от случайных отравлений алкоголем достаточно трудно профилактировать медицинскими мерами, для этого необходимо максимально задействовать межведомственный подход, но даже это не всегда срабатывает, о чем можно судить по результатам реализации Государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2016–2020 годы. Коэффициент смертности от случайных отравлений алкоголем был одним из целевых показателей этой государственной программы, планировалось снизить его с уровня 13,6 на 100 тыс. населения в 2016 г. до 10,6 на 100 тыс. в 2020 г. Вместе с тем этот показатель ежегодно не выполнялся, в 2019 г. уровень смертности от случайных отравлений алкого-